

На верном пути

Спектакли Владивостокского театра

Тайга. Далекая пограничная застава «Хрустальный ключ». Изю дня в день течет обычная жизнь: возвращаются из «секрета» бойцы, начинаются тактические занятия, вдохновенно сочиняет меню обед повар. А на отдыхе — шутки, песни, мечты. И вдруг — боевая тревога...

Не сложно и не ново содержание пьесы Е. Бондаревой «Хрустальный ключ», показанной гастролирующим сейчас в Москве Владивостокским краевым драматическим театром имени М. Горького. Но спектакль этот привлекает и радует хорошим режиссерским рисунком (постановка Н. Бондарева), свежестью актерского исполнения, правдивостью атмосферы и той любовью, которая вложена в эту работу коллективом и которая не может не передаться зрителю.

Спектакль богат актерскими удачами. Особенно удались главные герои — пограничники. Можно было бы немало сказать и об артисте П. Попове, который на довольно бедном материале роли начальника заставы капитана Быстрова создает очень живой, достоверный и привлекательный характер советского офицера — командира умного и прощательного, внимательного к людям, спокойного, собранного и точного в решениях. И о Г. Меньшенине, без всяких театральных штампов и наигрыша, с подкупающей искренностью рисующем молодого, неуклюжего и наивного призванного Сергея Голуба. И о Е. Шальникове, сдержанно, но с большим внутренним волнением играющем скупого на слова, исполнительного и всегда серьезного бойца с веселой фамилией Улыбин. И, наконец, о Ю. Троляновском, создавшем забавный и трогательный образ повара Яши.

Отдельно хотелось бы отметить Г. Апитина, играющего роль весельчака и песенника Захарова. Подобный образ таит в себе много опасных соблазнов для исполнителя, потому что ничего нет легче, как сделаться «любимцем публики», изобразив такого лихого рубаху-парня, местного остряка и балагура, особенно если в руках у

актера гитара (а Захаров почти не расстаётся с нею), которой он к тому же виртуозно владеет. Ничего нет легче, как потерять чувство меры и превратить героя из живого человека в надоевший и примелькавшийся театральный персонаж. Артист счастливо избегает всех этих опасностей. Его игра естественна и проста, он создает живой и обаятельный образ. Поэтому так волнует зрителей гибель Захарова от пули врага.

Не только пограничники, но и вечно озабоченный, суевливый директор совхоза Шатров (артист И. Морщак), его въедливая, любопытная и болтливая супруга Таисия Михайловна (артистка И. Макаревич), сердитый дед-пасечник Герасим Петрович (артист Г. Розанов) — все они удались театру.

Конечно, спектакль не лишен недостатков, хотя бы потому, что они присущи и самой пьесе. История Аллы, жены заместителя начальника заставы, повстречавшейся со своим пропавшим братом, который стал диверсантом, — эта драматическая коллизия, положенная в основу сюжета пьесы, разработана драматургом поверхностно, неглубоко и столь же поверхностно, с явным привкусом мелодрамы сыграна актрисой Ю. Матвеевой и А. Задачинным.

Но каковы бы ни были эти частные неудачи, в общем спектакль свидетельствует о талантливости коллектива, о тех творческих возможностях, которыми он, несомненно, располагает.

«Хрустальный ключ» примечателен и еще в одном отношении. Недавно это название появилось и на московских афишах. Но создана и впервые поставлена была пьеса в стенах Владивостокского театра.

В последние годы это стало хорошей традицией многих периферийных театров. Приезжая на гастроли в столицу, они все чаще и чаще привозят свои оригинальные пьесы, постановки, не идущие на московских сценах.

Во Владивостокском театре это относится в равной мере и к современной драматур-

гии и к классике. Ставя советские пьесы «Сергей Лазо» и «Хрустальный ключ», театр впервые дал им сценическую жизнь; он привез совсем неизвестную москвичам пьесу В. Железняка «Разные люди»; одновременно он оказался пионером в постановке двух классических пьес — «Фальшивая монета» М. Горького и «Расточитель» Н. Лескова. Подобную репертуарную смелость можно только приветствовать. Другой вопрос — насколько глубоко сумел театр раскрыть эти пьесы и сколь удачен самый выбор их.

«Фальшивая монета» почти не имеет истории на профессиональной сцене. И неудивительно: это одна из самых сложных пьес М. Горького. И все же работа театра над ней оказалась интересной и во многом плодотворной. И здесь коллектив можно поздравить с рядом режиссерских находок и актерских достижений.

К таким достижениям следует отнести прежде всего Полину в исполнении М. Полетаевой. Трагическая судьба этой женщи-

ны, некогда совершившей «грех», ложно обвиненной в убийстве собственного ребенка и из жалости взятой в жены стариком Яковлевым, закономерно становится в центр спектакля.

Полетаева рисует свою Полину очень скупыми, точнее сказать, суровыми красками. Нигде — даже в тот момент, когда ее героиня прокликает мужа и уходит из постылого дома, чтобы броситься под колеса поезда, — актриса не прибегает к крику и мелодраматическим эффектам. Внешне она кажется почти спокойной, но за этим спокойствием угадывается цельная, страстная, не созданная для компромиссов натура. Молчание Полины — Полетаевой всегда исполнено значительности, в нем чувствуется напряженная работа ее мысли, и, хотя она больше других молчит на сцене, ясно, что из всех обитателей яковлевского дома она самая сильная. А атмосфера в этом доме душная, давящая.

Режиссер К. Ведерников сумел создать картину убогого мещанского бытия, в ко-

На снимке: сцена из первого действия спектакля «Сергей Лазо». Снимок В. Егорова. (ТАСС).

тором чужими кажутся Полина, Наташа (артистка Н. Шитова) и блаженствует Яковлев. Образ Яковлева в исполнении артиста Г. Антошечкина также относится к числу несомненных достижений спектакля. Артисту удалось передать ту отвратительную смесь ханжества и жестокости, трусости и алчности, которая делает Яковлева «образцовым» мещанином.

В то же время в этом образе чувствуется и тот недостаток, который присущ постановке в целом. Нам представляется, что театр неточно определил жанр пьесы, заключив ее в рамки бытовой, психологической драмы. Элементы гротеска, несомненно присутствующие в пьесе, остались за пределами спектакля. И потому, несмотря на отличную и тонкую игру А. Аркадьева в роли бывшего барина Кемского, удачу артиста А. Присяжнюка, создавшего интересный образ Ефимова, и другие удачи, все же нельзя считать, что спектакль раскрывает до конца «Фальшивую монету».

В какой-то мере в самом начале сценической истории такой сложной пьесы подобные просчеты могли быть. Ведь это лишь первые, пробные шаги. Для будущих постановок опыт Владивостокского театра будет иметь большое значение.

Этого, к сожалению, нельзя сказать о спектакле «Расточитель» Н. Лескова. Если при чтении пьесы смущает налет условности и мелодраматизма в сюжете, где фигурируют и мышьяк, и утопленники, и сумасшедшие, ходульность ряда положительных персонажей, то в спектакле, поставленном Н. Теппером, все это лишь усугублено.

Возьмем, к примеру, посетителя положительных идеалов, обедневшего купца Калину Дробадонова в исполнении артиста А. Задачина. Этот образ и у Лескова страдает некоторой сусальностью. Но в театре он кажется воплощением того штампа «русского богатыря», о котором еще Станиславский писал, что для них существует специфическая походка с развалом..., невучая дикция в лирических местах и прочее. Действительно, в спектакле Дробадонов говорит так, что проза Лескова начинает почему-то звучать как белый стих. В данном спектакле на лице артиста не оста-

ся буквально ни одного живого мускула — все оно заклеено громадными бородой и бровями, накладным носом. Точно так же в его игре едва ли можно услышать хоть одну искреннюю, естественную ноту.

Напротив, артист В. Козелл вкладывает много неподдельного, искреннего чувства в образ Ивана Молчанова — центрального положительного героя пьесы. Недаром его монолог сопровождается аплодисментами зрительного зала. Но сама по себе эга-искренность, свидетельствующая о талантливости артиста, еще не создает характера. В. Козелл играет героя «вообще», который с таким же успехом может быть помещен в любую среду, эпоху, в любую другую пьесу и спектакль. И сколько чувства ни вкладывает актер в свою игру, он тоже оказывается во власти штампа — штампа «благородного героя».

Этот же упрек можно отнести к исполнению артисткой Е. Чалеевой-Бельской роли матери Марины. Среди положительных персонажей спектакля лишь одна В. Долматова в роли Марины (в те моменты, когда режиссер не заставляет ее играть «роковую женщину» или «страдающую героиню») передает силу и самобытность ее характера.

Но вернемся к пьесе. В ней гораздо больше, чем положительные, удались автору отрицательные персонажи. В спектакле же этого не чувствуется. Исполнитель роли Князева — И. Лене-Спектор не передает ни злой силы, ни изворотливого ума, ни коварства этого страшного человека, подчинившего себе весь город. Игра его кажется несколько односторонней и внешней. И большинство других отрицательных персонажей (среди которых есть такие великолепно написанные характеры, как, например, городской голова Колокольцев) сыграно в спектакле бледно, без той яркости, своеобразия, которыми наделил их автор.

А в целом встреча с театром, прибывшим впервые в столицу с далеких берегов Тихого океана, оставляет радостное, хорошее впечатление, вызывает живейший интерес к его мастерам, столь ярко и многогранно проявившим себя как в прочлаждениях классиков, так и в советской драматургии. М. БОРИССВА.